

УДК 159.95

UDC 159.95

СОЗНАНИЕ. ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ВЕЧНЫХ ПРОБЛЕМ

CONSCIOUSNESS. FINDING SOLUTIONS TO THE ETERNAL PROBLEMS

В. М. Аллахвердов,

*доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей психологии
факультета психологии СПбГУ*

V. Allakhverdov,

*Doctor of Psychology, Professor, Head of the
Department of General Psychology, Faculty of
Psychology Saint Petersburg State University*

Поступила в редакцию 05.09.19.

Received on 05.09.19.

В статье представлены результаты теоретического анализа и обобщения эмпирических исследований сознания. Она состоит из трех частей. В первой части речь идет о проблемах определения понятия «сознание», его омонимичности и, как следствие, множественности и противоречивости предлагаемых дефиниций. Вторая часть посвящена интерпретации эмпирически обнаруженного парадокса, заключающегося в том, что испытуемые способны повторять свои правильные ответы, осознавая не имея возможности оценить их правильность. Третья часть содержит гипотетическое предположение о возможности решения проблемы сознания на основе междисциплинарного подхода и компьютерной метафоры принятия решений.

Ключевые слова: сознание, междисциплинарный подход, компьютерная метафора принятия решений, проблема определения сознания, эмпирические исследования сознания, общая психология.

The article presents the results of theoretical analysis and generalization of empirical studies of consciousness. It consists of three parts. The first part deals with the problems of defining consciousness, its onymy and, as a consequence, the multiplicity and contradictions of the proposed definitions. The second part is devoted to the interpretation of the empirical paradox that subjects are able to echo their correct answers in a way that is consciously unable to assess their correctness. The third part contains a hypothetical assumption of the possibility of solving the problem of consciousness on the basis of an interdisciplinary sub-process and a computer metaphor for decision-making.

Keyword: consciousness, interdisciplinary approach, computer metaphor for decision making, problems of defining consciousness, empirical studies of consciousness, general psychology.

Вечные проблемы. Каждый знает, что он «*обладает сознанием*», но никто толком не понимает, что сознание такое, как оно возникло и как, собственно, функционирует. З. К. Мамардашвили утверждал: «сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего» [1]. Интернациональный словарь конца XX в. поясняет: «Сознание – удивительный, но ускользающий феномен... Ничего путного о нем не написано» [2].

Никто в мире до сих пор не смог внятно объяснить, как и почему сознание порождает личность, социум, язык, культуру. Все усложняется тем, что сознание – это омоним, имеющий много разных и противоречащих друг другу значений. А. Бэн назвал сознание самым запутанным словом в человеческом словаре [3, с. 219]. Философы нередко описывали сознание как нечто идеальное в оппозиции к материальному. Физиологи обычно рассматривают сознание как состояние бодрствования в противоположность сну или коме. Лингвисты – нечто вербализуемое

в противовес невербализованному. Социологи связывают с сознанием рациональное поведение по контрасту со стихийным. Психологи зачастую трактуют сознательное как осознанное в противопоставлении к неосознанному. Редакторы «The Cambridge handbook of consciousness» высказывают призрачную надежду, когда заявляют: «сознание – настолько сложная проблема, что мы вряд ли придем к адекватному пониманию сознания без междисциплинарной перспективы» [4, р. 2]. Однако в одной только психологии сознание метафорически трактуется как нечто качественное («луч сознания»), количественное («объем сознания»), однородное («поток сознания»), разнородное («измененные состояния сознания») и т. д. Все это вместе объединить невозможно. Ни одна теория заведомо не может описать все употребления слова «сознание».

Какое бы определение ни было дано, всегда можно сказать, что под сознанием обычно понимается нечто другое и что, таким образом, сказанное к сознанию не имеет

отношения. По-настоящему термины в науке определяются не сами по себе, а их «вхождением» в теорию. До построения теории бессмысленно обсуждать, есть ли сознание у муравьев, новорожденных, компьютеров или у космоса. Оценивать надо не верность определений, а истинность и эвристичность теории, в которую эти определения входят.

Вот пример, подчеркивающий неопределенность терминологии. Сновидение – это работа сознания? Сновидение протекает в идеальном плане, оно как-то осознается, в нем встречается вербализация, а значит, присутствует и сознание. С другой стороны – сознание заведомо отсутствует, поскольку сновидение стихийно и протекает во сне. В итоге в отсутствие ясных определений любой ответ допустим. Например, сновидение – результат бессознательной работы, который иногда попадает в сознание. Но разве это что-нибудь объясняет?

А как решить проблему свободы воли? Как ученые, мы должны описывать поведение человека только как детерминированное. Точно сказал Анри Пуанкаре: «мир, в котором не царит детерминизм, закрыт для ученого» [5, с. 632]. Но, находясь в мире культуры, мы признаем, что у человека есть свобода воли. А если человек свободен в своем выборе, то это значит, что он принимает решения без каких-либо оснований, не подчиняясь никаким законам, его поведение находится «вне каузальных отношений бытия» (Н. А. Бердяев). Как это вместе соединить – неизвестно. Лингвист Н. Chomsky признал: раз в решении проблемы свободы воли нет прогресса, то ее и не надо решать [6, с. 247–248], а Виктор Франк выдвинул блестящий, но ничего не объясняющий лозунг: свобода, несмотря на детерминизм [7, с. 77].

Как представления сознания можно сопоставить с реальностью? В сознании нет реальности, там есть только представления о реальности. Нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет. Например, как человек может проверить свое представление о самом себе? Сравнить с самим собой? Для этого надо знать, кто он сам по себе. Откуда он это может знать? Может, стоит спросить у других? Другие, конечно, могут рассказать о своем впечатлении. Но если человек сам не знает, кто он такой, то другие тем более этого знать не могут. Когда человек нечто делает, он обычно способен объяснить причины своего поведения. Но как узнать, действительно ли причины поведения таковы, как он думает?

Эксперименты И. Бернгейма с постгипнотическим внушением, Л. Фестингера со сглаживанием когнитивного диссонанса и т. д. хорошо показывают, что человек способен обманывать сам себя.

Человек вспоминает нечто ранее забытое, вспоминает-вспоминает – и вдруг вспомнил. Вспомнил с уверенностью, что правильно вспомнил. Уже странно: как он может вспомнить то, что до этого забыл? Главное – откуда возникает уверенность, что он правильно вспомнил? Он сличает свой ответ с тем, что хранится у него в памяти? Тогда почему он так долго вспоминал? Можно задать еще много подобных вопросов. Тем не менее понятно, что человек все-таки способен проверять представления, данные его сознанию, что не все мы живем в сумасшедшем доме. Но логика этой проверки ускользает от понимания.

Сознание – самое ценное достояние человека, никто не согласится жить вечно в бессознательном состоянии. Но похоже, как показывают многочисленные исследования, все решения известны мозгу еще до того, как они осознаются. Даже сложные вычисления, семантические преобразования, социальные оценки, моральные суждения осуществляются мозгом еще до того, как человек найденные решения осознает [8]. В чем тогда смысл сознательных решений? Значит ли это, вопрошает Т. В. Черниговская, что мы рабы собственного мозга? Или, удачно иронизирует А. Н. Поддьяков, «я у мозга дурачок»? Исследования убедительно подтверждают: неосознанно человек принимает, хранит в памяти и перерабатывает гораздо больше информации, чем осознает. Зачем тогда вообще нужна сознательная переработка информации? Если человек сознательно не управляет и не контролирует свое поведение, то, как скажут юристы, он находится в невменяемом состоянии.

Все вроде бы согласны: сознание играет решающую роль в появлении новых творческих идей. Но, как говорил О. Бальзак, мысли приходят нам в голову, не спрашивая нас об этом. Как сознание может оказывать на творческий процесс какое-либо влияние, если раньше этих идей у него не было, и сознанию неведомо, откуда они пришли? Уже в античности был известен парадокс поиска нового знания: как ученый может искать новое знание – ведь если он знает, что ищет, то это не новое, а если не знает, то что ищет? Сегодня полки книжных магазинов наполнены брошюрами о том, как надо тво-

рять: расслабьтесь, ни о чем не думайте, почувствуйте себя детьми, говорите первое, что придет в голову. Получается, что творческие открытия – признаваемые высшими достижениями сознания – легче делать, максимально отключив сознание. Если бы научные и художественные открытия делались творцами автоматически в бессознательном состоянии, то, как заметил Б. Рассел, сущим абсурдом было бы воздвигать в честь этих людей памятники.

Многие психологи, тем не менее, занимают позицию страуса и делают вид, что этих проблем вообще не существует, будто они давно решены или не актуальны для конкретных исследовательских задач. Причина демонстративного избегания фундаментальных проблем понятна – никто не знает, как их решать. Даже самые глубокие мыслители честно признаются, что не ясно даже, как думать об этих проблемах. Осознанность существует, хотя это логически невозможно. Сознание должно нести ответственность за принятые решения, хотя не видно логических средств, объясняющих, как оно вообще может самостоятельно принимать какие-либо решения. Сознание способно корректировать свои представления, делая их более адекватными миру, не имея оснований для такой корректировки. Убежден: без разрешения этих парадоксов никакая серьезная психологическая теория не может быть построена. Тысячелетние попытки не только не привели к разгадке, но еще больше все запутали.

Науку психологию это с самого начала ведет к кризису. В 1977 г. В. П. Зинченко на съезде психологов так высказался о положении дел в психологии: «То, что мы едем не туда, известно. Наша задача сесть хотя бы *туда* лицом». А. Г. Асмолов уже в нашем веке в интервью иронично констатирует: «Я другой такой науки не знаю, которая была бы так влюблена в свой кризис». Сам он, скорее всего, считает, что кризиса нет. Тем не менее, в 2011–2012 гг. наличие кризиса признала примерно половина самых известных специалистов России в области методологии психологии, опрошенных редакцией журнала «Методология и история психологии».

Возможно, наступило время разрешить вечные проблемы и преодолеть кризис? Для этого надо выйти из моря парадоксов. Но как? Прежде всего, не бояться простых вопросов и избегать туманных ответов. Логические парадоксы никогда не разрешаются эмпирически. Эмпирика может вдохно-

вить на возникновение оригинальной идеи, но сама по себе породить идею не может. Единственный путь преодоления парадоксов – *придумать*, как можно непротиворечиво совместить противоречивые высказывания. Такое возможно только, как говорил И. М. Сеченов, в результате «положительно дикого брожения ума». Тогда есть надежда, что возникнет «сумасшедшая» (так говорил Н. Бор) идея, позволяющая разрешить парадоксы и, тем самым, под новым углом зрения посмотреть на мир.

Вдохновение эмпирикой. Чтобы лучше понять истоки развиваемых далее идей, придам тексту этой части автобиографический оттенок. В юности был потрясен «Маленькой книжкой о большой памяти» А. Р. Лурия [9], где описан яркий случай феноменальной памяти. Психологи не смогли обнаружить пределов памяти героя книги Шерешевского ни по длительности, ни по объему. Поразил и рассказ И. Андроникова об известном советском музыковедом И. И. Соллертинском, который, *бегло пролистав*, даже не читая (впервые попавшую ему в руки книгу, мог затем воспроизвести по памяти текст любой страницы этой книги. Нашел в литературе описание случаев, когда люди в болезненном бреде начинали говорить на едва знакомых им языках. Один из самых известных примеров – зарегистрированный еще в XVIII в. случай с неграмотной немкой, которая во время болезни стала произносить тексты на древнееврейском, древнегреческом и латинском языках. Выяснилось: когда ей было 9 лет, она жила в доме пастора на правах отчасти его воспитанницы, отчасти служанки. Пастор любил расхаживать по коридору возле кухни, где жила девочка, читая вслух свои любимые тексты древних авторов. Когда женщина выздоровела, она не смогла вспомнить ни одного слова из того, что бормотала в бреде.

К своему удивлению обнаружил, что многие психологи, психиатры и физиологи утверждали, что следы в памяти не исчезают, а хранятся навсегда. Среди них – С. С. Корсаков, Г. Эббингауз, З. Фрейд, А. Н. Леонтьев, У. Пенфилд. Читаю «Механизмы памяти» Е. Н. Соколова: в памяти хранится вся когда-либо поступившая в нее информация вместе с отметкой о времени поступления [10]. *Почему же мы забываем?* Через много лет гипнолог В. Л. Райков при мне продемонстрирует, как у взрослого испытуемого, которому внушают возраст новорожденного, наблюдаются характерные для него физиологические реак-

ции, которые (даже если бы он о них знал) невозможно имитировать, например, плавающие несинхронные движения зрачков глаз. *Он помнит себя в новорожденном возрасте?*

Тогда же в юности читаю «Психический автоматизм» П. Жане [11]. Его больная Люси получает в состоянии гипноза инструкцию: как только Жане хлопнет в ладоши, она должна письменно перемножить 739 на 42, не глядя на карандаш и бумагу. Затем ее будят, она рассказывает Жане о каком-нибудь волнующем ее событии, но по хлопку – ни разу не останавливаясь в процессе разговора – безошибочно записывает нужные вычисления. На экраны выходит научно-популярный фильм «Семь шагов за горизонт». В нем много поразительных чудес. Например, феноменальный счетчик Игорь Шелушков смотрит на быстро вращающиеся доски с числами (вращающимися с такой скоростью, что сами числа не успеваешь разглядеть), а он, бегло на эти доски посмотрев, почти мгновенно извлекает из них корни 3-й и 4-й степени. Позднее в соревновании с компьютером он извлек из 148-значного числа корень 77-й степени за 18 секунд. Как такое возможно?

Студентом запомнил рассказ на лекции Б. Ф. Ломова. Старт космического корабля. Шум страшный. И вдруг некий мастер говорит: как-то не так шумит маслонасос. На всякий случай остановили запуск. Мастер оказался прав. Срочно заменили маслонасос, мастера наградили. Как он мог в невообразимом шуме старта услышать легкий сбой в работе маслонасоса? Много позже познакомился с воспоминаниями дирижера Г. Рождественского [12]. Во время репетиции симфонии Д. Д. Шостаковича в зале – сам композитор. По окончании Д. Шостакович спрашивает: почему во время тутти (совместной промкой игры всех инструментов оркестра) не прозвучал английский рожок? Г. Рождественский поражен: в громкоподобном аккорде, в котором участвуют медные и ударные инструменты, а конкретный звук английского рожка дублирован кларнетом, валторнами и альтами, нельзя заметить отсутствие английского рожка. Но – добавляет – не для слуха Д. Шостаковича. Подошли к исполнителю. Тот извиняется перед композитором: на моем рожке не получается сыграть написанное в партитуре. *Как возможно услышать в столь сильном шуме отсутствие очень слабого сигнала?*

Впрочем, так ли уж все это удивительно? Ведь нет сомнения, что наш мозг способен почти мгновенно осуществлять некоторые

операции. Если испытуемому предъявлять один и тот же звуковой сигнал в левое ухо на 1 мс раньше его появления в правом ухе, то, поскольку по разнице времени прихода звука в разные уши мы устанавливаем местоположение источника звука, испытуемому будет казаться, что звук находится слева от него. Однако, если второй звук появится через 3–5 мс, испытуемый услышит два звука: один – слева, второй – справа. Хотя никто не способен осознавать различие интервалов времени в 1 мс и в 3–5 мс, тем не менее все без особых затруднений осознают, сколько звуков – один или два – предъявлено.

Читаю в справочнике: возможности наших органов чувств близки к теоретическим пределам. Ухо столь чувствительно, что способно слышать соударение больших молекул (будь оно еще более чувствительно, оно бы слышало соударение молекул в самом себе). Глаз реагирует на 3–5 квантов света, говорят, способен увидеть ночью пламя горящей спички на расстоянии трех десятков километров (это дальше, чем видимый горизонт – для проверки надо еще взобраться на гору) – при еще большей чувствительности глаз видел бы собственное свечение. После сказанного, надеюсь, не будут казаться поразительными факты, что *мы способны видеть и слышать слабые сигналы, которые, тем не менее, не осознаем*. Пример. На оба уха испытуемых предъявляются звуковые сигналы разной интенсивности: на одно ухо сигнал по интенсивности выше порога, то есть осознаваемый испытуемыми, на второе ухо сигнал по интенсивности ниже порога, то есть неосознаваемый. Оказывается, что при оценке испытуемыми места, где, как им кажется, расположен источник звука, это место находится не строго в направлении слышимого звука, оно сдвигается в сторону сигнала, который мы, якобы, не слышим.

В студенческие годы ходил на занятия в Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева. Однажды нам, студентам, показали имбецила (так тогда называли «умственную отсталость тяжелой или умеренной степени»). Имбецил, как ему и положено, говорил с трудом, клишированными фразами, но был способен в течение секунды безошибочно переводить любую дату в день недели как по григорианскому, так и по юлианскому календарю. *Как же так получается:* имбецил может переводить даты в дни недели, а мы – более умные, более образованные – не можем?

Позже узнал о синдроме саванта (savant – фр. «ученый»). Это редко встречающееся явление, при котором дети и взрослые с серьезными нарушениями психики, обладают выдающимися способностями в одной или нескольких областях, например, в математике, рисовании, музыке. Такой мальчик, к примеру [13], в шестилетнем возрасте мог правильно ответить на вопрос: сколько секунд в 2 тысячах лет ($=63\,072\,000\,000$), сколько будет $12\,225 \cdot 1223$ ($=14\,951\,175$), и чему равен квадрат 1449 ($=2\,099\,601$). Общей способностью почти всех савантов является феноменальная память. Календарные расчеты, оказывается, также встречаются у них достаточно часто.

Я подумал: если саванты могут переводить дату в день недели, то можно предположить, что любой человек при предъявлении даты автоматически вычисляет день недели. Однако в норме мы не способны осознавать результат этого вычисления. Значит, у нас – в отличие от савантов – должны существовать какие-то, пусть пока не понимаемые, основания, мешающие или запрещающие это делать. Если такие основания действительно существуют, решил я, *то нормальные люди, скорее всего, должны будут чаще случайного ошибаться*, стараясь назвать день недели, соответствующей названной дате.

Было проведено небольшое исследование [14]. 50 испытуемых в ответ на предъявление тридцати дат должны были дать ответ о соответствующем этой дате дне недели. Испытуемые, как и следовало ожидать, заявляли, что они вообще не умеют этого

делать, что они и в обычной жизни часто путаются: помнят либо сегодняшнюю дату, либо день недели. Я просил их прислушаться к своему подсознанию, ничего не вычислять и дать первый пришедший в голову ответ. Конечно, испытуемые во многом и отвечали наобум, хотя все-таки старались выполнить инструкцию, некоторые даже принимали медитативную позу. Двое испытуемых были исключены из обработки: один на первую предъявленную дату ответил «понедельник», на вторую – «вторник», затем «среда» и т. д., а второй зачастую называл день недели еще до того, как ему предъявлялась дата.

Результат поначалу не впечатлил. В неделе 7 дней, вероятность случайного попадания в нужный день недели – 1/7, или 14,3 %. А процент правильного угадывания дня недели получившийся в эксперименте, – 13 %. Вероятность правильного ответа была практически равна вероятности случайного угадывания. Однако оказалось, что этот процент статистически значимо повышается до 22, если предыдущая предъявленная дата была правильно соотнесена испытуемым с днем недели. Такое возможно, только если испытуемый, не осознавая этого, хотя бы иногда отличает свой правильный ответ от неправильного! Как иначе? Ведь именно *правильный* предшествующий ответ влияет на правильность последующего ответа испытуемого. По-видимому, если запрет и есть, то сделанный правильный перевод даты в день недели, на какое-то время запрет снимает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили, З. К. Необходимость себя. Введение в философию / З. К. Мамардашвили / под ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996. – 432 с.
2. Sutherland, N. S. The International Dictionary of Psychology / N. S. Sutherland. – New York: Continuum, 1989. – 491 p.
3. Бэн, А. Психология / А. Бэн // Ассоциативная психология / Г. Эббингауз, А. Бэн. – М.: АСТ, 1998. – 209 с.
4. Zelazo, P. D. Consciousness: An introduction // The Cambridge handbook of consciousness / P. D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 998 p.
5. Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре. – М.: Наука, 1990. – 736 с.
6. Хорган, Дж. Конец науки: взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Дж. Хорган. – СПб.: Амфора, 2001. – 476 с.
7. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
8. Bargh, J. A. Beyond Behaviorism: On the Automaticity of Higher Mental Processes / J. A. Bargh, M.J. Ferguson // Psychological Bulletin. – 2000. – Vol. 126, Issue 6. – P. 925–945.

REFERENCES

1. Mamardashvili, Z. K. Neobkhodimost sebya. Vvedeniye v filosofiyu / Z. K. Mamardashvili / pod red. Yu. P. Senokosova. – M.: Labirint, 1996. – 432 s.
2. Sutherland, N. S. The International Dictionary of Psychology / N. S. Sutherland. – New York: Continuum, 1989. – 491 p.
3. Ben. A. Psikhologiya / A. Ben // Assotsiativnaya psikhologiya / G. Ebbingauz, A. Ben. – M.: AST, 1998. – 209 s.
4. Zelazo, P. D. Consciousness: An introduction // The Cambridge handbook of consciousness / P. D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 998 p.
5. Puankare, A. O nauke / A. Puankare. – M.: Nauka, 1990. – 736 s.
6. Khorgan, Dzh. Konets nauki: vzglyad na ogranichennost znaniya na zakate Veka Nauki / Dzh. Khorgan. – SPb.: Amfora, 2001. – 476 s.
7. Frankl, V. Chelovek v poiskakh smysla / V. Frankl. – M.: Progress, 1990. – 368 s.
8. Bargh, J. A. Beyond Behaviorism: On the Automaticity of Higher Mental Processes / J. A. Bargh, M.J. Ferguson // Psychological Bulletin. – 2000. – Vol. 126, Issue 6. – P. 925–945.

9. *Лурия, А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста / А. Р. Лурия. – М. : МГУ, 1968. – 90 с.
 10. *Соколов, Е. Н.* Механизмы памяти / Е. Н. Соколов. – М. : МГУ, 1969. – 176 с.
 11. *Жане, П.* Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека / П. Жане. – СПб. : Наука, 2009. – 500 с.
 12. *Рождественский, Г.* Треугольники. Триптих / Г. Рождественский. – М. : Слово, 2001. – 432 с.
 13. *Spitz, H. H.* The Role of the Unconscious in Thinking and Problem Solving / H. H. Spitz // Educational Psychology. – 1993. – Vol. 13, Issue 3–4. – P. 229–244.
 14. *Аллахвердов, В. М.* Опыт теоретической психологии / В. М. Аллаxвердов. – СПб. : Печатный двор, 1993. – 328 с.
9. *Luriya, A. R.* Malenkaya knizhka o bolshoy pamyati. Um mnemonista / A. R. Luriya. – M. : MGU, 1968. – 90 s.
 10. *Sokolov, Ye. N.* Mekhanizmy pamyati / Ye. N. Sokolov. – M. : MGU, 1969. – 176 s.
 11. *Zhane, P.* Psikhicheskiy avtomatizm. Eksperimentalnoye issledovaniye nizshikh form psikhicheskoy deyatelnosti cheloveka / P. Zhane. – SPb. : Nauka, 2009. – 500 s.
 12. *Rozhdestvenskiy, G.* Treugolniki. Triptikh / G. Rozhdestvenskiy. – M. : Slovo, 2001. – 432 s.
 13. *Spitz, H. H.* The Role of the Unconscious in Thinking and Problem Solving / H. H. Spitz // Educational Psychology. – 1993. – Vol. 13, Issue 3–4. – P. 229–244.
 14. *Allakhverdov, V. M.* Opyt teoreticheskoy psikhologii / V. M. Allakhverdov. – SPb. : Pechatnyy dvor, 1993. – 328 s.

ДЕПОЗИТОРИЙ БГНА